

жик... Темная, душная изба с еле мерцающим ночником, от которого колеблются по углам тени... На печи смутный силуэт сумасшедшего человека, который вымучивает душу своими дикими стонами... А на дворе — зги божьей не видать, метель — белая вьюга...

Да, невесело...

<1891>

«Орловский вестник», 1891, № 150 и 152, 9 и 12 июня. Подпись: Ив. Бунин.

Заглавие свидетельствует о том, что Бунин предполагал в это время опубликовать в «Орловском вестнике» цикл очерков «из жизни обездоленных» под общим названием «Божьи люди». Возможно, что этот замысел возник еще в 1889 г., при перепечатке в «Орловском вестнике» раннего очерка «Два странника», озаглавленного в новой редакции «Божьи люди. Очерк» (см. настоящ. кн., стр. 139—145).

Воспроизведено (с неточностями): «Радуга», 1965, № 4.

ПРАЗДНИК

Сказка

...Пролетая с севера в полуденные страны, стая птиц отдыхала у пустынного моря...

— Как хорошо!— говорили они, глядя в тихое вечернее небо,— весело и спокойно лететь в такую пору! Право, если бы не было темных шумных бурь, на земле было бы повсюду так же весело и счастливо, как в наших зеленых долинах!

Они отдыхали и любовались...

Выше их, на скалах, сидела стая альбатросов; они тоже задумчиво смотрели на море, в даль, и потихоньку говорили:

— Как томительно! Целую неделю мы скитались на этих скалах, целую неделю однообразно и медленно качался прибой под горячим солнцем!.. Право, если бы всегда стояли такие томительные дни, — на земле все заснуло бы и умерло... Давно валялись бы мы на песке...

Старый альбатрос смотрел на далекий запад и молчал: он чувствовал близкую бурю, и это предчувствие весело туманило ему голову дикой отвагой.

— Ничего,— сказал он,— теперь скоро! Скоро праздник!..

Перелетные птицы с удивлением глядели на этих неуклюжих птиц,— их удивляли такие речи, а восклицание старого моряка показалось им нелепо.

— Что скоро?— спросили они друг у друга,— буря? Какой же это праздник? Да и наконец, все спокойно. Посмотрите...

Туманно-раскаленное солнце мертвенно-спокойно утопало в морской дали.

Но на перекатные мелкие волны почему-то набегал белый пенистый отблеск, и они, теснимые прибоем, заводили странный и неопределенно-шумный спор у песчаного берега... Бледный призрак бури уже шел по волнам...

Старый альбатрос не ошибался. Но перелетные птицы ничего не замечали, кроме тишины на берегу,— они не знали моря...

— Да, скоро!— повторил он и опять начал вслушиваться в говор прибоя...

И когда первая струя набежавшего ветра пахнула на него, он оживился: дико и весело взглянул он на померкший запад, на стемневший водяной простор, зорко разглядел маячивший дальний парус и взмахнул крыльями...

Стая альбатросов ожила вслед за ним и с пронзительным криком скрылась в набегающем сумраке...

— Странно!— сказали перелетные птицы,— ну, если скоро, чего же веселеть перед несчастьем?..

И, опасаясь бури, они поднялись и опустились в проходе между скалами, в узкой горной долине.

— Как тут тихо и хорошо!— сказали они. — И зачем нужны бури?..

Море еле слышно плескалось и говорило за скалами; а здесь молчаливая ночь уже все покрыла неясным сумраком.

Темное небо и темная долина были безмолвны. Как в глубоком раздумье, они притаили дыхание, и дальние звезды смотрели сверху, словно вслушиваясь, как падает капля за каплей в горном источнике, как тихо-тихо шумят на вершинах деревья...

— Нет, все спокойно!— сказали друг другу птицы, вглядываясь в свои силуэты. Не то не полетели бы эти белые уроды... Полетимте!

И, поднявшись, тихой вереницей потянулись через скалы.

...Тревожная переключка раздавалась в темноте шумной морской ночи. То перекликались перелетные птицы. Их застала буря, обманула тихая долина...

В их жалобных криках слышалось смертельное отчаяние и сетованье на забаву природы...

Морской ветер кружил их в пространстве. Беспросветное небо слилось с бушующими водами. За разгулявшимися громадами волн, за белой водяной метелью потонул и померк последний печальный отсвет запада и казалось, что снова все слилось в первобытном хаосе мироздания. Перелетные птицы слышали человеческие крики на погибающем корабле, видели, как его затопляло холодное море, и ужас обнимал их разбившуюся стаю.

А белые альбатросы с пронзительным криком свободно и сильно носились в беспросветном просторе... В их диких возгласах, заглушаемых шумом волн, слышалось веселье...

Они праздновали свой праздник, они жили порывами темной холодной бури...

И когда забрезжил бледный день, из-за дыма серых туч, которые мчал над белым затихающим морем ледяной утренний ветер, мокрые трупы перелетных птиц качались в прибое, а на песке лежал мертвый бледный юнга...

Только стая альбатросов сидела на скалах и отдыхала после шумного праздника. И, должно быть, только они одни видели, как отовсюду повеяло снова первобытной свежестью и обновлением, только они слышали в смутном шуме белеющего моря вечный, торжественный хорал природы —

Нестройный шумный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров!..

⟨Июль 1891 г.⟩

«Русская жизнь». М., 1891, № 351, 25 декабря (1892, 6 января). Подпись: Ив. Бунин.

Воспроизведено (без указания на источник): «Литературная газета», 1960, № 122, 22 октября.

25 июля 1891 г., приехав из Орла в Москву, Бунин сообщил В. В. Пашенко, что написал этим утром «сказку»: сюжет ее «пришел ко мне ночью, в поезде, во сне»; он писал также, что намерен отдать свою «сказку» в журнал «Заря» («Литературный Смоленск», стр. 232). Однако в «Заре» в 1891 г. произведения Бунина не печатались. В. Н. Бунина сообщает, что «сказка», «увиденная «во сне», появилась в рождественском номере газеты «Русская жизнь» за 1891 г. («Жизнь Бунина», стр. 71).

«Праздник» написан в духе поэзии революционного народничества, которой свойственно стремление к аллегорическим образам, насыщенным мотивами мятежа и свободы (ср. популярные в демократических кругах 80-х — начала 90-х годов стихи П. Ф. Якубовича — «Смерть орла», «Журавли», «Фантазия»). С этой же традицией связаны и написанные позднее произведения Горького в аллегорическом жанре.

Возможно, что эта «сказка» возникла под воздействием тех настроений, с которыми Бунин столкнулся в среде, окружавшей его в Полтаве, где он только что провел почти месяц у старшего брата (см. воспоминания Л. А. Жемжурист — настоящ. том, кн. 2).